

Баня и печь в русской народной традиции / Отв. ред. В.А. Липинская. М., 2004. 287 с.

Рецензируемая книга – первая из предполагаемой серии публикаций “Бани народов мира”, начатой Институтом этнологии и антропологии РАН с целью ознакомить читателей с многообразными гигиеническими традициями народов мира. Это первое серьезное научное исследование, освещающее историю “банного дела” на Руси на протяжении десяти веков – с X до XX в., включая и начало XXI в. В этом труде читатели найдут ответы на вопросы, где и когда возникла русская паровая баня, какими были баннные обычаи в различных регионах России, какую роль играла баня и в бытовой, и в духовной жизни русского народа, особенно в свадебном обряде, какие игры, гадания, поверья и обычаи связаны с баней. Книга превосходно издана тиражом 1 тыс. экз. с массой черно-белых и цветных иллюстраций, содержит карту-схему “Традиция мытья в печи и бани” в Вологодской и (частично) в порубежных с нею областях. Одним словом, перед нами серьезное научное исследование видных специалистов-этнографов.

В первой главе – “Бани и баннные традиции северной и центральной России” (автор А.А. Желтов) – излагается подробная история возникновения и формирования традиций русской бани, особо выделяется своеобразие баннных обычаев на Вологодчине, в двух новгородских районах, в Брянской обл. и на Среднем Поволжье. Вторая глава – “Баня и русская печь в быту южнорусского населения” (автор Л.Н. Чижикова) – посвящает читателя в историю трансформаций баннных традиций в Центрально-Черноземном регионе России, где было меньше лесов и, соответственно, меньше отдельно построенных бань, где мылись дома в корыте или ушате, а парились в русской печке. Следующая глава – “Бани Москвы и Подмосковья” (автор И.И. Гольдин) – посвящена своеобразной промежуточной зоне между севером и югом, в которой происходили процессы взаимовлияния различных народных традиций. Немаловажным было и то, что социальный статус столицы во многом определял и формирование местного своеобразия московских бань в XVII – начале XIX в., как домовых, усадебных, так и типичных для столицы общественных. Четвертая и пятая главы книги – “Баннные традиции в Сибири” и “Баня и печь в русской народной медицине” (автор В.А. Липинская) – дают представление о местной специфике баннных традиций сибиряков, о баннных обычаях, построенных на контрастах, на быстрой смене температур и связанной с этим остротой ощущений. В данных разделах читатель найдет новые и известные материалы о традициях народной медицины – о лечении в печи, на печи, у печи, о родах в печи и в бане, о лечебном мытье в бане.

Шестая глава – “Баня в вологодском свадебном обряде” (автор Т.С. Макашина) – основана на материалах XIX – начала XX в. В главе обстоятельно излагается роль невестинной подвенечной бани в свадебном ритуале. Баня выступает как сложное обрядово-фольклорное действо, бывшее одним из основных компонентов севернорусской свадьбы. Небольшая седьмая глава – “Игры и гадания в бане” (автор И.А. Морозов) – представляет собою краткий обзор связанных с баней игровых и ритуально-магических действий, нередко носивших сексуальный характер. Предисловие и заключение к книге, написанные В.А. Липинской, носят теоретический характер и освещают терминологические и дефиниционные вопросы происхождения терминов “баня”, “печь”, историю возникновения бань и баннных традиций, сакрального значения бани и печи, своеобразия домовых, усадебных и общественных бань и трансформаций их значения в семейной и общественной жизни русских в древности и в наши дни.

Уже из описанного выше видно, что перед нами – обобщающий исследовательский труд, охватывающий громадный исторический период, практически всю заселенную русскими территорию (правда, отсутствует материал о баннных традициях русского населения прибалтийских стран, а это было бы любопытно, ведь скандинавское влияние оказывалось на русские баннные традиции всегда, в том числе и в наши дни, когда идет “борьба” между русскими и финскими традициями банного строительства на дачах “новых русских”). Вполне понятно и то, что не все регионы освещены с равной степенью подробности; недостает материалов о влиянии баннных обрядов сопредельных с Россией народов на русские баннные традиции. Но как несомненное достижение следует отметить обширную источниковую базу монографии – это официальная литература, мемуары, делопроизводственные материалы, статистика, архивные документы (иногда впервые вводимые в научный оборот). Самое же ценное – широкое привлечение личных полевых исследований и материалов авторов, которые были не только обычными наблюдателями и фиксаторами, но и участниками баннных процедур и на себе испытали, что такое сухой и влажный пар, как “горит” тело, истощанное березовым веником после доброй порции пара и как “светлеет” душа после парной бани...

Как каждое бытовое явление, имеющее глубочайшие исторические корни и восходящее к доисторическим временам, гигиеническая традиция ухода за телом на ее ранних этапах никогда не будет нами раскрыта до конца из-за отсутствия достоверных и бесспорных источников. Как мылись наши далекие первобытные предки до освоения ими огня и в первые века после этого, мы никогда в полной мере не узнаем. В равной степени мы до сих пор не можем бесспорно установить, какой – печной или банный – обычай омовения имеет исторический приоритет. Мы можем опереться только на исследования лингвистов, которые давно

уже установили, что само слово “баня” вошло в русский язык только в XI в.¹ и по происхождению было иноязычным. В то же время слово “печь” имеет праславянское происхождение и восходит к доисторическим временам².

Знарок русского языка В.И. Даль также подчеркивал: «Нынешнее слово “баня, паровая купальня” – новое»³. Казалось бы, все говорит за то, что омовение у печи первично, а в бане – вторично и потому, следовательно, монографию следовало было бы назвать “Печь и баня в русской народной традиции”. Однако все не так просто. Вполне убедительны приводимые В.А. Липинской контраргументы, что первоначально печи в избах были малы и не могли вместить в себя человека для парки. Да и использование печи для парения могло произойти в результате сокращения лесных массивов и переноса парения из бани в печь, в избу. Видимо, к настоящему времени этот вопрос нельзя считать окончательно решенным.

Несмотря на высокий научный уровень рецензируемого труда, нельзя не указать и на некоторые недостатки и недоделки. Это тем более необходимо сделать, что их устранение особенно важно для последующих томов предполагаемой серии, которые, несомненно, будут создаваться с учетом вышедшего. Самый большой недостаток: книге недостает историографической главы. В.А. Липинская указала в предисловии, что к настоящему времени накопилась обширная литература, посвященная русской бане. Некоторые наиболее значительные труды предшественников, конечно же, указаны в соответствующих местах исследования, однако этого явно недостаточно. Историографический анализ проблемы фактически отсутствует, а без него не совсем ясно, насколько новы собранные материалы, насколько не противоречат выводам предшественников – русских этнографов XIX в. Или же они их повторяют и авторы, скорее, ставили задачу обобщения накопленного до них?

К сожалению, неполна и приложенная к книге “Библиография специальных публикаций о бане” (в ней даже не перечислены упомянутые в тексте труды Е.Э. Будовской и И.А. Морозова, С.Г. Зыбелина, И.И. Гольдина, Н.П. Могильнова, И.А. Верекина, Н. Знаменскова и Е. Остужева, Я.Р. Рыбкина и Н.А. Криничной и др. ученых). Особенно огорчает крайне незначительное количество ссылок на труды зарубежных исследователей о русской бане (в библиографии упомянуты только три работы – Конде, Лати и Вахруса). А ведь именно Эйно Ниеминен впервые провел сопоставление древней восточно-славянской и балто-финской терминологии, относящейся к купанью⁴, а Илмар Талве создал основательный труд, посвященный истории банного дела в Северной Европе⁵. В нем он описал и парную баню в России и предположил, что обычай париться в бане возник в результате взаимодействия традиций древнерусского народа с обычаями народов Средиземноморья и Балтии. А ведь все эти работы давно уже известны в историографии⁶.

Желательно в дальнейших публикациях предполагаемой серии более подробно характеризовать упоминаемые в тексте мифологические персонажи (такие, как *анчутка*, *домаха*, *кикимора*, *обдериха*, *ишишга* и др.) – читателю приходится обращаться к специальной литературе, чтобы определить, например, чем же “волосатка” отличается от “обдерихи”.

С большим вкусом и знанием дела подобран в книге иллюстративный материал – фотографии, рисунки, схемы, гравюры, старинный лубок, репродукции картин художников на темы банного и печного мытья. Правда, преобладают изображения моющихся женщин... Создается впечатление, что только одни наши “Русские Венеры” (см. известную картину Б.М. Кустодиева на с. 99) и парились в бане.

Не только специалисты-этнографы, но и самые широкие слои населения, интересующие прошлым и настоящим народного быта с интересом ознакомятся с этой книгой и будут ждать продолжения так удачно начатой серии, осуществляемой при участии Ассоциации “Культурно-спортивно-оздоровительные комплексы” и Отдела искусства Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы и при финансовой поддержке РГНФ.

Примечания

¹ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964. Т. 1 (А–Д). С. 121; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. А–Б. С. 71.

² *Фасмер М.* Указ соч. М., 1971. Т. III. (Муза – Сят). С. 256.

³ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. I (А–З). С. 45.

⁴ *Nieminen E.* Ein Beitrag zu der ostslavischen und ostseefinnischen Baderterminologie // Nordiska Poznansis. Poznan, 1951. Т. 3. P. 214–225.

⁵ *Talve J.* Bastu och torkus in Nordeuropa // Lingua Museetes Handlingar. Stockholm, 1960. Т. 53. P. 414–429.

⁶ *Пушкарёва Н.Л.* Этнография восточных славян в зарубежных исследованиях (1945–1990). СПб., 1997. С. 73.